81 6/3
автографъ

О легчайшемъ способѣ возражать на критики.

(пер. Димитрій Язиковъ)

С. П. б.
тип. Шнора.
1811 г.

81 6/3

Сенатская № 6551.

О

ЛЕГЧАЙШЕМЪ СПОСОБѢ

ВОЗРАЖАТЬ НА КРИТИКИ.

О
ЛЕГЧАЙШЕМЪ СПОСОБѢ
ВОЗРАЖАТЬ НА КРИТИКИ.

An, si quis atro dente me petiverit,
Inultus ut flebo puer?

Horat.

Въ Санктпетербургѣ
въ Типографіи Шнора.
1811.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 1811 года, Сентября 12 дня.

Цензоръ Кол. Сов. и Кав. Иванъ Тилковскій.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
497663 V М

О
ЛЕГЧАЙШЕМЪ СПОСОБѢ
ВОЗРАЖАТЬ НА КРИТИКИ.

(Въ отвѣтъ на *Присовокупленіе* г-на Ш—ва къ *Разсужденію о краснорѣчіи Св. Писанія*, читанному имъ въ Росс. Академіи и помѣщенному въ V части ея *Сочиненій и Переводовъ*).

Въ 11мъ и 12мъ номерахъ *Цвѣтника* 1810 года напечаталъ я *Разсмотрѣніе перевода Двухъ Статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика*. Я осмѣлился замѣтить нѣсколько важныхъ ошибокъ противъ языка и смысла, которыя выбралъ изъ множества другихъ въ семъ переводѣ; осмѣлился иногда противорѣчить г-ну переводчику въ

его странныхъ и несвязныхъ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сходства Россійскаго языка съ Славенскимъ: но вездѣ сохранилъ должную учтивость и уваженіе къ его лѣтамъ. Мнѣнія свои вездѣ предлагалъ я въ видѣ скромныхъ, почтительныхъ представленій, показывалъ даже нѣкоторое сомнѣніе тамъ, гдѣ имѣлъ полное право говорить утвердительно и явно укорять г-на переводчика въ отступленіи отъ правилъ здравой Логики, въ несоблюденіи смысла заключающагося въ подлинникѣ. Полагаясь на его точныя слова (1), я совсѣмъ

---

(1) „Со стороны же возраженій, когда „бы оныя основаны были на искреннемъ желаніи разсуждать „объ языкѣ, а не на личной и „пристрастной защитѣ нѣкоторыхъ погрѣшающихъ противъ „него писателей, *тогда бы оныя „были мнѣ пріятны*“ (Предувѣд. къ перев. изъ Лагарпа, стр. XVI).— Пусть г. сочинитель докажетъ, что мое *Разсмотрѣніе* не основа-

не думалъ оскорбить его своими замѣчаніями; я ожидалъ, что онъ, отвѣчая мнѣ, постарается оправдать свои ошибки и получше объяснить слова свои, часто весьма темныя для читателей. Сочиненіе мое раздѣлено было на двѣ части: въ одной особенно разсматривалъ я парадоксы касательно мнимаго Славенороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимо-

---

но на *искреннемъ желаніи разсуждать объ языкѣ*, что я противорѣчилъ ему единственно для защищенія своихъ ошибокъ, что не отдавалъ ему всей должной справедливости, гдѣ только онъ ее заслуживалъ —и тогда пусть говоритъ *о стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, дабы языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей* (стр. 263). До тѣхъ поръ всякой читатель, видя безпрестанныя его отступленія и запальчивость, скажетъ ему какъ у Луціана Меналлипъ: *ты сердишься, Юпитеръ! слѣдственно ты неправъ!*

*

ходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность онаго.

Но къ величайшему моему удивленію, и думаю, къ удивленію всѣхъ просвѣщенныхъ любителей словесности, г. переводчикъ *двухъ статей изъ Лагарпа*, издавая въ свѣтъ *Разсужденіе* свое *о краснорѣчіи св. Писанія*, напечаталъ еще при ономъ какое-то *Присовокупленіе*, въ которомъ, вмѣсто основательныхъ доказательствъ, отвѣчаетъ мнѣ однѣми личностями и бранью. Онъ говоритъ „о помѣща„емыхъ въ журналахъ нашихъ со„чиненіяхъ, въ которыхъ, отъ за„блужденія ли ума, или отъ повре„жденія сердца (2), *столько же*

(2) *Заблужденіе ума* очевидно ко мнѣ относится за то, что я дерзнулъ оспоривать мнѣнія г-на сочинителя: но *поврежденія сердца* не долженъ я принимать на свой счетъ, ибо грозному сему Диктатору извѣстно только одно мое имя; притомъ же, совсѣмъ не заслуживъ такого упрека, я никогда

„иногда *не* щадится нравственность, „сколько и разсудокъ“ (соч. и пер. Росс. Акад. ч. V стр. 262).—„о стара„ніи умъ и сердце каждаго отвлечь

бы сего не позволилъ сказать себѣ. Можетъ быть выраженіе сіе относится къ другимъ особамъ, о которыхъ столь учтиво и благопристойно говорится на стр. 276й. „Они въ посланіяхъ своихъ „взываютъ къ Виргиліямъ, Гоме„рамъ, и пр., запвердя однѣ толь„ко имена ихъ, и, что всего уди„вительнѣе, научаясь благочестію „въ Кандидѣ, и благонравію и „знаніямъ въ Парижскихъ переул„кахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ „и помраченнымъ умомъ вопіютъ „противъ невѣжества, и обраща„ясь къ тѣнямъ великихъ людей, „толкуютъ о наукахъ и просвѣ„щеніи.“ Молчаніе есть конечно достойный отвѣтъ на столь общія и неясныя обвиненія; но мы вспомнимъ здѣсь прекрасныя слова Лагарповы: „Rien n'est si „aisé et si commun que de calo„mnier à demi-mot, et rien n'est „si difficile que de repousser cette

„отъ нравоучительныхъ духовныхъ „книгъ, отвращаетъ отъ словъ. „отъ языка, отъ разума оныхъ, и „привязаетъ къ однимъ свѣтскимъ „писаніямъ, *гдѣ столько разста-* „*влено сѣтей къ помраченію ума* „*и уловленію невинности* (*!!*), что „совлеченная единожды съ прямаго „пути она непремѣнно должна по- „пасть въ оныя (стр. 263). — „о „находимыхъ въ журналахъ подъ име- „немъ *критикъ* такихъ сужденіяхъ „о языкѣ и словесности, *которыя*

„espece de calomnie. Car, comment „répondre à ce qui n'a pas été énon- „cé? Deviner l'accusation, c'est „avouer en quelque sorte qu'elle „n'est pas sans fondement: aussi le „seul parti qu'il y ait à prendre, „c'est de porter un défi public à „l'accusateur timide et lâche; et „l'innocence alors peut lever la „tête," etc. Lycée, t. 3. p. 245 (Мѣсто сіе въ *двухъ статьяхъ изъ Лагарпа* совсѣмъ не такъ переведено. См. *Цвѣтникъ*, ном. 12й стр. 464).

„*не только предъ цѣлымъ свѣтомъ,*
„*но и предъ двумя человѣками*
„*изъявлять надлежало бы сты-*
„*диться*; коихъ главная цѣль со-
„стоитъ въ томъ, чтобъ стихами
„и прозою вопіять противъ Сла-
„венскаго языка, не зная и не ра-
„зумѣя, о чемъ идетъ дѣло, и въ
„чемъ состоитъ языкъ“ (стр. 264).—„о сборищахъ словъ, въ ко-
„ихъ не должно искать *мыслей*, а
„еще меньше *разума*; ибо они со-
„всѣмъ не съ тѣмъ пишутся, что
„бы сказанное можно было доказать
„или разумѣть; но только съ тѣмъ
„чтобъ оное написано и прочтено
„было“ (стр. 271).—и проч. и проч. Утверждая на стр. 279, что мы *не должны Славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него* (но кто и думалъ *презирать* сей языкъ и *уклоняться отъ него*?), г. сочинитель ссылается на Лагарповы слова: „on ne se flatte pas d'imposer silence
„à cette espece d'hommes, sur qui la
„raison a perdu ses droits, surtout de-

„puis que la déraison est de toutes les puis-
„sances la plus accréditée.“ (Оставляю безпристрастнымъ читателямъ на судъ, къ кому примѣнить должно сіе справедливое изреченіе Лагарпа).

Отвѣчать бранью на учтивую, благонамѣренную критику, значитъ признать себя торжественно не въ состояніи отвѣчать на оную доказательствами: но къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру; въ неукротимой запальчивости называть противниковъ своихъ *имѣющими пораженное сердце* и укорять ихъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры; забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу всякаго гражданина—есть разительный примѣръ, сколь сильно дѣйствуетъ оскорбленное самолюбіе и желаніе властвовать въ Республикѣ словесности. Вотъ послѣдствія страстей нашихъ! Человѣкъ, упражняющійся въ словесности, оставляетъ почтенное сіе занятіе, вступаетъ

въ поприще ругательства, присвоиваетъ себѣ право обвинять своихъ сограждан—и все сіе, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противорѣчить, что смѣли показать его ошибки!

Оставимъ сіи прискорбныя для насъ размышленія: къ сожалѣнію нашему во всѣ времена бывали примѣры подобной сему несправедливости. Кому не извѣстны Буаловы стихи:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.
. . . . . .
Hé, mon Dieu, craignez tout d'un auteur en courroux.

Можно бы подумать, что Буало писалъ сіе въ наше время.

Г. Сочинитель *Присовокупленія* на стр. 265. еще укоряетъ меня въ томъ, что я не подписалъ име-

ни подъ своею критикою. Онъ говоритъ: „столько еще остается „въ сихъ безъименныхъ критикахъ „стыда, что они скрываютъ имена свои.“ — Но что за стыдъ сказать, что г. переводчикъ *двухъ статей изъ Лагарпа* во многихъ мѣстахъ не понялъ французскаго подлинника, что онъ наполнилъ буквальный переводъ свой галлицизмами и соблюлъ даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе, не переставая между тѣмъ вопіять противъ галлицизмовъ; что многія заключенія, изъ Лагарповыхъ словъ имъ выведенныя, совершенно неосновательны, и проч: — какой стыдъ въ показаніи сего находить можно? Я не подписалъ своего имени единственно потому, что не думалъ придать онымъ никакой силы своимъ доказательствамъ: но естьли угодно г-ну сочинителю *Присовокупленія*, то признаюсь охотно, *не только предъ двумя человѣками, но предъ цѣлымъ свѣтомъ*, что *Разсмотрѣніе перевода изъ Лагарпа* сочинено мною. Постыдно безъ

сомнѣнія скрывать имя свое, сочиняя какія нибудь ругательства или пасквили, (которыя впрочемъ и тогда достойны презрѣнія, когда Авторъ подписываетъ свое имя): но мое *Разсмотрѣніе* отнюдь не принадлежитъ къ сему роду. *Пасквилемъ* я называю такое сочиненіе, въ которомъ чья нибудь честь оскорбляется, въ которомъ клевета старается очернить гражданина и вселить несправедливое подозрѣніе противъ его нравственности или мнѣній о вѣрѣ: можетъ ли сіе сколько нибудь относиться къ моей критикѣ? Впрочемъ я такъ мало скрывалъ свое имя, что всѣ читатели знали объ ономъ при самомъ появленіи въ свѣтъ 11го номера *Цвѣтника*.

Я сказалъ уже, что г. сочинитель, возражая на мою критику, совсѣмъ не думалъ о доказательствахъ: всякой можетъ удостовѣриться въ томъ, естьли будетъ имѣть терпѣніе прочитать отвѣтъ его. Основательные доводы показались

сму средствомъ слишкомъ обыкновеннымъ; отвергнувъ ихъ, онъ употребилъ противъ меня оружіе совсѣмъ новое, а именно—*восклицанія!* Сверхъ того, выписавъ нѣсколько строчекъ изъ моей довольно пространной критики, онъ вездѣ силится совершенно перемѣнить значеніе словъ моихъ, и найти въ нихъ мнимыя противорѣчія. Что-жъ касается до многихъ важныхъ ошибокъ, замѣченныхъ мною въ его переводѣ, то, не будучи въ состояніи оправдать ихъ, онъ всячески избѣгаетъ случая о томъ говорить. „Изъ сихъ не многихъ выписокъ „(такъ заключаетъ онъ свое *При-„совокупленіе*) ясно уже видно, ка-„ковы и чемъ наполнены бываютъ „таковыя сочиненія.“ Положимъ даже, что всѣ выписки и слова г-на сочинителя были бы справедливы: но кто училъ его разсуждать такимъ образомъ, и брать доказательства свои *отъ части къ цѣлому*? Сіе позволено въ Поэзіи, но совсѣмъ не въ Логикѣ. — „Естьлибъ

„мы захотѣли съ подробностію „разсмотрѣть оныя, то конечно „во многихъ мѣстахъ произвели бы „въ читателѣ удивленіе, негодова„ніе и смѣхъ.“ Подлинно такъ: кто бы изъ читателей могъ воздержаться отъ удивленія и смѣха (негодованіе же пусть поберегутъ они для *пасквилей*), когда бы увидѣлъ снова изъ моей критики, что Лагарпа заставляютъ говорить то, чего онъ и не думалъ (*Цвѣтникъ*, стр. 454. и слѣд.); что несправедливо ссылаются на Нѣмецкую Библію (тамъ же стр. 411); говорятъ о Французскихъ писателяхъ не читавъ ихъ (стр. 435); и наконецъ вездѣ преподаютъ такое ученіе, которое очевидно клонится къ искаженію языка, къ подавленію всѣхъ дарованій. — „Но намѣреніе наше „было только показать сужденія „ихъ о языкѣ, пропуская все про„чее, какъ недостойное ни его ни „нашего вниманія.“ Въ самомъ дѣлѣ *легчайшій способъ возражать на критики!* къ сему не нужны ни

ученость, ни знаніе языка, ни даже здравая Логика!

Я не буду подражать примѣру сочинителя *Присовокупленія*: я намѣренъ разобрать всѣ его сужденія и показать просвѣщеннымъ читателямъ, такъ ли истолкованы слова мои, и точно ли утверждено существованіе *Славенороссійскаго* языка.

Но, скажутъ мнѣ, отрицать сіе варварское смѣшеніе, утверждать, что Руской языкъ есть языкъ отдѣльный и не *нарѣчіе* или *слогъ* (*Разгов. о слов.* стр. 6), но самъ корень многихъ мѣстныхъ нарѣчій: не значитъ ли сіе спорить единственно въ словахъ, и можетъ ли потерпѣть словесность наша отъ того, что Руской языкъ будутъ называть Славенороссійскимъ, Варягоросскимъ, или какъ бы то ни было? . . . Конечно нѣтъ, естьлибы г. переводчикъ Лагарпа и его послѣдователи довольствовались сими названіями и не выводили изъ оныхъ весьма пагубныхъ для языка

послѣдствій. Отложимъ поверхностное о вещахъ сужденіе, посмотримъ со вниманіемъ, отъ чего у насъ многіе пишутъ такъ дурно послѣ образцовыхъ сочиненій Ломоносова, Хераскова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Карамзина и другихъ хорошихъ Авторовъ нашихъ? отъ чего многіе молодые люди, впрочемъ не безъ дарованій, представляютъ намъ въ стихахъ своихъ живое подражаніе тяжелому и грубому слогу Тредіаковскаго? Отъ того, что они съ младенчества пріучились полагать истинную Поэзію, истинное достоинство слога въ нескладномъ сборищѣ Славенскихъ выраженій, неупотребительныхъ въ Рускомъ языкѣ и несвойственныхъ оному; привыкли думать, что ничему не должно учишься, кромѣ Славенороссійскаго языка, и потому гнушаются чтеніемъ хорошихъ писателей, какъ своихъ, такъ и чужестранныхъ. — Напротивъ того другіе юноши, воспитанные въ правилахъ

здраваго вкуса, просвѣтившіе умъ свой опытностію всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, видятъ, при вступленіи въ поприще словесности, расколъ сей столь усилившимся, что сами не смѣютъ даже свободно мыслить, и часто зарываютъ таланть свой въ землю, опасаясь вооружить противъ себя всѣхъ вкусоборцевъ. — Вотъ къ чему ведетъ сіе ученіе, защищаемое нынѣ съ такимъ упорствомъ и основанное единственно на томъ, что большая часть Рускихъ словъ происходитъ отъ Славенскаго, какъ будто бы Англичане не могли имѣть особеннаго языка, потому только, что большая часть словъ ихъ заимствована ими отъ французовъ и Нѣмцовъ!

Не трудно было бы опровергнуть толь слабое основаніе, естьли бы противники Рускаго языка истинно хотѣли разсуждать о языкѣ и порядочно отвѣчали на всѣ возраженія; естьли бы, воздержавшись отъ личностей, они спара-

лись только убѣдить своихъ противниковъ, а не называли ихъ предателями отечества и вѣры за то, что они защищаютъ отечественный языкъ свой. Какое вліяніе споры о словесности могутъ имѣть на священную любовь къ отечеству, равно пылающую во всякой груди Рускоӥ? . . . Я самъ весьма почитаю Славенскій языкъ, на которомъ предки наши передали намъ святую свою вѣру и богослуженіе; я самъ всегда любилъ слѣдовать совѣту Ломоносова: „дабы съ прилѣжаніемъ „читали всѣ церковныя книги, отъ „чего къ общей и собственной „пользѣ воспослѣдуетъ: 1е). По „важности освященнаго мѣста церк„ви Божіей и для древности чув„ствуемъ въ себѣ къ Славенскому „языку нѣкоторое особливое почи„таніе, чѣмъ великолѣпныя сочини„тель мысли сугубо возвыситъ. 2). „Будетъ всякъ умѣть разбирать вы„сокія слова отъ подлыхъ и упо„треблять ихъ въ приличныхъ мѣ„стахъ по достоинству предлага-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
497663.

,,емой матеріи, наблюдая равность ,,слога. 3). Такимъ старательнымъ ,,и *осторожнымъ* употребленіемъ ,,*сроднаго намъ кореннаго Славен-* ,,*скаго языка купно съ Россійскимъ*, ,,отвратятся дикія и странныя ,,слова нелѣпости, входящія къ намъ ,,изъ чужихъ языковъ.“ (3). — Но утверждаясь на сихъ же словахъ Ломоносова и на здравомъ разсудкѣ,

---

(3) См. стр. 8. *Предисловія о пользѣ книгъ церковныхъ*, изъ коего г-нъ переводчикъ Лагарпа почерпнулъ все, что ни писалъ о семъ до нынѣ. Впрочемъ на каждой страницѣ сего *Предисловія* внимательный читатель найдетъ ясное раздѣленіе Славенскаго языка съ Рускимъ, какъ на прим: ,, къ первому роду ,,реченій Россійскаго языка при- ,,чипаются, которыя у древнихъ ,,Славянъ и нынѣ у Россіянъ *обще* ,,*употребительны*: Богъ, слава, ,,рука, нынѣ, почитаю. Ко вто- ,,рому принадлежатъ, кои хотя ,,обще употребляются мало, а ,,особливо въ разговорахъ; однако ,,всѣмъ *грамотнымъ* людямъ вра-

я всегда опвергалъ мнимое смѣшеніе Славенскаго языка съ Рускимъ, и мнѣ никогда не приходило въ голову называть сей послѣдній *слогомъ*. „Оставшійся въ книгахъ духовныхъ Славенскій языкъ (говорить г. Издатель *Вѣстника Европы*, 1811, No. 12, стр. 293), „отдѣленъ отъ нынѣшняго Русскаго „несходствомъ нѣкоторыхъ словъ, „и разностію въ спряженіяхъ и-

---

„зумительны, на прим: опверзаю, „Господень, насажденный, взываю. „*Неупотребительныя и весьма „обветшалыя* отсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны; овогда, „свѣнѣ, и симъ подобныя. Къ „третьему роду относятся, *которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка*, то есть въ церковныхъ книгахъ, на прим: говорю, ручей, копорой, пока, лишь.“ (стр. 3). . . . . „Симъ шпилемъ „преимуществуетъ *Россійскій „языкъ* предъ многими нынѣшними Европейскими, *пользуясь языколъ Славенскимъ* изъ книгъ церковныхъ.“ (стр. 6).

„даже въ правилахъ синтаксиса.
„Безъ всякаго сомнѣнія Русской
„языкъ есть отрасль Славенскаго;
„но теперь онъ уже въ такомъ
„состояніи, что приличнѣе назы-
„вать его языкомъ, а не нарѣчіемъ.
„На немъ издаются законы; на
„немъ написаны многія книги; какъ
„же можно сказать, что онъ не су-
„ществуетъ, и какъ можно назы-
„вать его нарѣчіемъ, тогда какъ
„самъ онъ уже имѣетъ множество
„мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ,
„то ни одинъ изъ нынѣшнихъ Ев-
„ропейскихъ языковъ не сущест-
„вуетъ, ибо всѣ они произошли
„отъ древнихъ и изъ нихъ соста-
„вились. Было бы очень странно,
„когдабъ увѣрять стали, что у
„Италіянцовъ и Французовъ нѣтъ
„языка, и что тѣ и другіе говорятъ
„*нарѣчіемъ* или *слогомъ*.“ (4).

---

(4) Я могъ бы еще подкрѣпить сіи доказательства мнѣніемъ многихъ извѣстныхъ въ словесности людей, и особенно мнѣніемъ до-

Что можно отвѣчать на толь справедливыя разсужденія? Но противники наши, непрестанно уклоняясь отъ отвѣта, прибѣгаютъ единственно къ брани или наполняютъ книги свои неумѣстнымъ наборомъ Славенскихъ примѣровъ, которые совсѣмъ нейдутъ къ дѣлу и притомъ всякому давно знакомы:

стойныхъ Гг. Профессоровъ Московскаго Университета, коимъ ввѣрено попеченіе надъ учрежденнымъ при ономъ Благороднымъ Пансіономъ, однимъ изъ лучшихъ въ Россіи заведеній для воспитанія юношества. Въ изданномъ на 1811 годъ *Объявленіи* о семъ Пансіонѣ, на стр. 25й между прочимъ сказано, что во 2мъ классѣ Рускаго языка *будутъ переводить на Руской лучшія мѣста съ Славянскаго и другихъ языковъ.* Сіи точныя слова почтенныхъ Гг. Издателей, согласныя притомъ со свидѣтельствомъ Ломоносова и другихъ, могутъ и одни достаточно опровергнуть ложныя умствованія г-на сочинителя.

Въ ихъ книгахъ находимъ мы предлинныя разсужденія на многихъ страницахъ объ одномъ глаголѣ *доить*, хотя всякому извѣстны его значеніе и всѣ производныя отъ него слова, употребительныя и неупотребительныя. Тамъ хотятъ увѣрить насъ, что мы непремѣнно должны употреблять Славенское слово *доилица*, и что мы совсѣмъ не знаемъ прилагательнаго *воздоенный*, между тѣмъ какъ всѣ говорятъ у насъ: *Юпитеръ воздоенный на горѣ Идѣ*; или въ стихахъ: *Поэтъ въ объятіяхъ фортуны воздоенный.* Такимъ образомъ сіи господа, естьли только гдѣ нибудь прекращаютъ свои восклицанія, то стараются тотчасъ отклонить читателя отъ разсужденій безчисленными примѣрами изъ Библіи, которую всѣ не меньше ихъ читали и уважаютъ.

Приступимъ теперь къ разбору мнимыхъ возраженій г-на сочинителя *Присовокупленія*, который, какъ ревностный приверженецъ къ

языку Славенороссійскому, ни мало не заботится о защищеніи себя, но силится токмо утвердить свое ученіе и почитаетъ къ тому всѣ способы позволительными. „Что „значитъ раздѣленіе языка нашего „на Славенскій и Рускій? (такъ вос„клицаетъ онъ на стр. 263). Раз„дѣленія сего, разсуждая о языкѣ „*въ прямомъ смыслѣ онаго*, ника„кимъ образомъ доказать не можно, „поелику оно не существуетъ. *И „такъ выходитъ*, что разумѣется „подъ симъ языкъ духовныхъ и „свѣтскихъ книгъ.“ Прекрасная Логика! *сего доказать не можно поелику оно не существуетъ, и такъ выходитъ* и пр. — Всякой видитъ, сколь хорошо выведено здѣсь заключеніе изъ предъидущихъ предложеній; но послушаемъ далѣе: „На „что́жъ чуждаться намъ перваго „изъ оныхъ и стараться приво„дить его въ забвеніе и презрѣніе? „Для того ли, чтобъ умъ и сердце „каждаго отвлечь отъ нравоучи„тельныхъ духовныхъ книгъ“ и пр.

Хитрое сплетеніе силлогизмовъ сихъ достойно вниманія: оно встрѣчается довольно часто у г-на сочинителя. Сперва опровергалъ онъ принятое вообще раздѣленіе Славенскаго языка съ Рускимъ; а потомъ вдругъ сталъ говорить о *намѣреніи приводить первый изъ нихъ въ забвеніе и презрѣніе*—но кто имѣетъ такое намѣреніе? Утверждалъ ли я что либо подобное сему? Я сказалъ только, что не должно употреблять въ Рускомъ языкѣ несвойственныхъ ему Славенскихъ выраженій и оборотовъ, что совсѣмъ не значитъ презирать Славенскій языкъ, корень нашего. Касательно же предполагаемой г-мъ сочинителемъ цѣли *умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ*, и далѣе на той же страницѣ, *чтобъ языкъ вѣры не могъ обуздывать языка страстей*, то я удивляюсь, съ чего взялъ онъ все это. Позволено ли мнѣ спросить, по какому праву думаетъ онъ, что я менѣе его привержень къ вѣрѣ

моихъ предковъ, что менѣе его почитаю священныя книги и что хочу ослабить власть ихъ? Такое обвиненіе не есть дѣло писателя, тѣмъ болѣе, что оно совершенно несправедливо: и въ такомъ случаѣ подлежитъ оно строжайшему изысканію законовъ.— Потомъ: „Взявъ „одно такое сочиненіе, могли бы „мы въ каждой строкѣ, отъ первой „до послѣдней, показать неоснова„тельность за неосновательностію, „незнаніе за незнаніемъ, неправду „за неправдою, даже клевету, ибо „часто господинъ или господа пи„сатели сихъ нелѣпицъ, называ„емыхъ *критиками*, ссылаясь на „страницу разсматриваемой ими „книги, отъ того ли, что не поня„ли, или по надеждѣ, что не вся„кой станетъ справляться, гово„рятъ совсѣмъ не то, что на сей „страницѣ сказано.“ Но самъ г-нъ сочинитель не уже ли могъ имѣть надежду, что читатели такъ легко повѣрятъ словамъ его и не потребуютъ отъ него точныхъ доказа-

шельствъ, гдѣ и какъ сіе сдѣлано? „Мы могли бы во многихъ подоб-„ныхъ сему ощутительныхъ не-„правдахъ ясно уличить; но такое „подробное показаніе не стоитъ „того, чтобъ терять на оное тру-„ды и время“ (стр. 265). Напротивъ: когда г. сочинитель вздумалъ упрекать своего Рецензента въ неправдѣ и клеветѣ, то онъ непремѣнно былъ обязанъ ясно изобличить его; столь важная въ словесности укоризна не должна быть сама клеветою.

„Ни одинъ Французъ (продол-„жаетъ онъ) не обучась Латин-„скому языку, не разумѣетъ онаго; „а у насъ всякой безграмотной му-„жикъ заставляетъ грамотнаго „сына своего читать *предъ нимъ* „Прологъ, Четію Минею и другія „духовныя книги, разумѣя и слу-„шая его съ удовольствіемъ.“ Въ этомъ г-нъ сочинитель весьма ошибается: у насъ ни одинъ мужикъ, хотя бы и грамотной, не пойметъ ничего изъ Пролога и Четіи Минеи, естьли не учился читать по Часо-

слову и не затвердилъ начальныхъ правилъ Славенскаго языка. Безграмотной мужикъ многаго не могъ бы даже понимать и въ обѣднѣ (не смотря на то, что въ оной ектеніи и большая часть молитвъ писаны самымъ простымъ слогомъ), естьли бы частое хожденіе въ церковь и всегдашнее толкованіе не замѣняли ему науки. Возмемъ безграмотнаго мужика; что поймешь онъ изъ приведенныхъ въ *Разсужденіи о краснорѣчіи св. Писанія* примѣровъ: *Ланиты его аки фіалы аромать, прозябающыя благовоніе. Устнѣ его крины, каплющіи смирну полну. Лыста его столли мраморовы, основани на стеленехъ златыхъ. Гортань его сладость, и весь желаніе*; или: *посѣченіе его прежде часа растлѣетъ, и лѣторасль его не облиственѣетъ*?—„Мнѣ „кажется, ежели бы кто и ничего, „кромѣ романовъ, комедій и журна„ловъ не читалъ, такъ и пѣть не „могъ бы сего сказать (что *мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли*

сочиненій до временъ Петра Великаго, Цвѣтн. стр. 260); ибо не „ужъ ли онъ даже и не слыхалъ, „что у насъ есть Руская правда, „Владимірова духовная, Слово о „полку Игоревомъ, Псалтырь, Евангеліе, и проч. Какъ все это опро„вергать и не поставлять въ чи„сло книгъ, для того только, что „не было журналовъ и комедій?“... Мое выраженіе *на нашемъ языкѣ* и по Грамматикѣ и по Логикѣ очевидно относится къ нынѣшнему Рускому: и я все право имѣлъ сказать, что до Петра Великаго не было на ономъ сочиненій, ибо почти до самаго того времени Рускій языкъ существовалъ особо въ *изустномъ* токмо употребленіи, а *книжной* нашъ языкъ или совсѣмъ не существовалъ, или только что еще мало по малу отдѣлялся отъ Славенскаго — ибо вспарину всякія книги духовныя и свѣтскія писали языкомъ Славенскимъ болѣе или менѣе испорченымъ. Развѣ Руская правда, Владимірова духовная, Сло-

во о полку Игоревомъ (коихъ у насъ незнающіе по славенски безъ перевода читать не могутъ, даже и знающіе очень часто не понимаютъ), развѣ всѣ сіи книги писаны по руски? (5) — Можно ли называть

---

(5) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что и г. сочинитель въ переводѣ Игоревой пѣсни на Руской языкъ иногда ошибается въ своихъ догадкахъ, и что не всегда довѣрять можно сему преложенію, о которомъ онъ самъ говоритъ: „Сего ради *разсудилось мнѣ* пре„ложить, *или паче передѣлать* „*оную* такимъ образомъ, чтобъ „оставляя всѣ красоты подлин„ника, безъ всякой, поколику „можно, перемѣны словъ, *невразу„мительныя мѣста сократить* „*или пропустить*; прочія же, пре„бующія разпространенія, *допол„нить своими приличными и на„вѣроятныхъ догадкахъ основан„ными умствованіями*“ (Соч. и перев. Росс. Акад. ч. I, стр. 202). — И такъ ни древность сего драгоцѣннаго остатка Славенскаго стихотворства, ни всеобщее къ

Рускими книгами Псалтырь и Евангеліе, хотя онѣ въ новѣйшія времена переправлены? Пишетъ ли наконецъ самъ г. сочинитель такимъ же языкомъ, хотя впрочемъ и смѣшиваетъ неправо въ сужденіяхъ своихъ Славенскій съ Рускимъ? — Изъ сего видно, что онъ почитаетъ всякое оружіе противъ соперниковъ своихъ законнымъ, по произволенію перемѣняетъ значеніе словъ и смыслъ рѣчи, и употребляетъ насмѣшку

ономy почтеніе, не могли спасти его отъ поправокъ новѣйшаго переводчика, который, по собственному признанію, болѣе заботился о избѣжаніи *всякой, поколику можно, перемѣны словъ*, нежели о соблюденіи мыслей! Горе намъ, естьли найдутся многіе послѣдователи сему примѣру, и всѣ будутъ самопроизвольно *сокращать, дополнять своими умствованіями, или паче передѣлывать* переводимыя ими творенія; и такимъ образомъ искажатъ Гомеровъ и Виргиліевъ!

тамъ, гдѣ самъ ошибается. — — „Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ „и защищаютъ! нѣсколько словъ „вошедшихъ въ простонародное „нарѣчіе, пріемлется за основаніе „новаго языка! гдѣ же покажутъ „мнѣ сіе множество Татарскихъ „словъ и выраженій въ Библіи, въ „Ѳеофанѣ, въ Ломоносовѣ, и проч.“ (Хипрое совокупленіе Славенскихъ книгъ съ Рускими!) „*Но положимъ*, „что чистота языка нашего и по„вредилась нѣсколько отъ приняшія „въ него иностранныхъ словъ, слѣ„дуетъ ли изъ того утверждать, „что нечистый языкъ сталъ лучше „чистаго?“ Но кто утверждаетъ, что *нечистый языкъ лучше чистаго*, и кто *пріемлетъ Татарскія слова за основаніе Рускаго языка*? Не льзя ли здѣсь сказать о г-нѣ сочинителѣ то самое, что онъ въ своемъ *Присовокупленіи* на стр. 265. старается внушить читателю о мнимыхъ моихъ неправдахъ и клеветѣ? . . . Я утверждаю, что основаніемъ Рускаго языка есть Сла-

венскій, съ которымъ по сему имѣетъ онъ тѣсное сродство: но что въ *нарѣчіе Руское* вмѣшалось множество Татарскихъ и другихъ иностранныхъ словъ (которыя всѣ можно видѣть въ словарѣ Росс. Академіи, гдѣ именно означено какія слова настоящія Славенскія и какія чужестранныя); а притомъ оное нарѣчіе отдѣлилось совершенно отъ своего корня *несходствомъ нѣкоторыхъ словъ, и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса*, и такимъ образомъ стало особымъ языкомъ, какъ другіе Европейскіе. Я отнюдь не хочу судить, который изъ двухъ языковъ лучше: но говорю только, что не должно ихъ смѣшивать и употреблять въ Рускомъ всякія Славенскія выраженія безъ разбора.

Въ *Разсмотрѣніи перевода изъ Лагарпа* я сказалъ: *нашъ Рускій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ* (Европейскихъ); *но мы*

сверхъ того можемъ еще почерпать изъ Славенскаго, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. На сіе г. сочинитель съ обыкновеннымъ своимъ жаромъ восклицаетъ: „что значатъ сіи „слова? какъ! нашъ Руской языкъ „*самъ по себѣ*? да что такое нашъ „Руской языкъ *самъ по себѣ*? гдѣ „онъ? возмемъ какую нибудь ны„нѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ „ней хотя два такихъ слова (вы„ключая иностранныя), о кото„рыхъ бы могли мы сказать: вотъ „это Славенское, а это Рускоe?“ Можетъ ли разсуждать такимъ образомъ человѣкъ сколько нибудь свѣдущій въ Рускомъ языкѣ, и, говоря по руски, спрашивать *гдѣ* сей языкъ? Естьли бы даже мы не слыхали ежедневно множества неизвѣстныхъ древнимъ Славянамъ Рускихъ словъ (изъ которыхъ многія и въ высокомъ слогѣ употребляются), то вышеприведенное сви-

дѣтельство Ломоносова насъ бы въ томъ удостовѣрило: „къ третьему „роду относятся реченія, *кото-* „*рыхъ нѣтъ въ осталкахъ Славен-* „*венскаго языка*, то есть въ цер- „ковныхъ книгахъ, на прим: *гово-* „*рю, ручей, которой, лока, лишь*,“ и пр. Вмѣсто того, чтобы заниматься пустыми разсужденіями о словахъ *вниду* и *войду* (которыя суть одинъ и тотъ же глаголъ; только первый употребляется въ высокомъ слогѣ Рускаго языка, а второй въ среднемъ и низкомъ, что всякой ученикъ давно знаетъ), лучше бы г. сочинитель заглянулъ со вниманіемъ въ Словарь Росс. Академіи: тамъ нашелъ бы онъ много такихъ словъ, *которыхъ нѣтъ въ осталкахъ Славенскаго языка*, и которыхъ корни намъ неизвѣстны; слѣдственно здравый разсудокъ велитъ почитать ихъ кореннными словами, употребительными въ странахъ, называемыхъ нынѣ *Великороссійскими*, еще до пришествія въ оныя Славянъ.

Далѣе сказалъ я въ своемъ *Разсмотрѣніи*: *для чего большая часть нашихъ теперешнихъ* (6) *выраженій*

---

(6) Г. сочинитель замѣчаетъ, что слово *теперешній* несвойственно возвышенному слогу, и потому здѣсь должно бы сказать *нынѣшнія выраженія*. Хотя мое *Разсмотрѣніе* писано не *возвышеннымъ*, а *среднимъ* слогомъ, но я весьма согласенъ, что слово *нынѣшній* здѣсь гораздо приличнѣе. Сколь бы мнѣ было пріятно признаваться въ своихъ ошибкахъ, естьли бы г. сочинитель въ показаніи оныхъ разсуждалъ всегда такъ основательно: ибо я пишу не для пустаго токмо спора, но изъ искренняго усердія къ отечественному языку! Учиться не стыдно ни въ какія лѣта: но непростительно упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и отвѣчать грубостями и бранью на учтивыя возраженія.

Что жъ касается до утвержденія г-на сочинителя, что слово *теперь* происходитъ отъ мѣстоименія *та* и имени *пора*, то

(*я говорю только о настоящемъ Русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многі я ны-*

я никакъ не могу съ нимъ согласиться: *теперь* есть синонимъ нарѣчія *нынѣ* и означаетъ настоящее время, а *та пора* прошедшее или будущее. Вотъ что пишетъ о семъ ко мнѣ одинъ почтенный Любитель словесности: „Ничего нѣтъ обманчивѣе „этимологическихъ догадокъ, когда „онѣ на одномъ только сходствѣ „звуковъ, а не на вѣрнѣйшихъ „основаны доказательствахъ, по„черпнутыхъ изъ исторіи языка „и изъ сличенія онаго съ діалек„тами. Мнѣ случилось найти въ „древнемъ лѣтописцѣ, часть II. „стр. 431: *мы сами то нетепер„во слышили и видили*. Здѣсь „*нетеперво* по видимому значитъ: „*не теперь только, не впервые*. А „въ Линдеевомъ словарѣ нашелъ „я: *Польск.* dopier, dopierò, dopi„eruczko и пр. *Богемск.* тепрвъ, „тепрва, тепрувъ. *Рагузск.* то„парвъ, стопарвъ. *Босняцк.* сто„парве, стопрривице. Всѣ сіи

нѣшнія книги) *не только не принадлежитъ къ Славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ?*— На сіе г. сочинитель отвѣчаетъ:

„слова значатъ: *теперь только*, „*лишь только*, eben erst, по пере„воду Линде, и составлены оче„видно, вмѣстѣ со старинным„ъ Рускимъ *теперво*, изъ мѣстоиме„нія *то* и имени *первый*. (Въ „*Польск.* pierwy. въ *Бог.* првій, въ „*Иллир.* првій, прривій, парвій).— „Нарѣчіе *теперь*, *теперя*, *тепереча* „не сокращено ли изъ *теперво*, „или *топерво*? Оно въ Рускомъ „языкѣ какъ и въ Польскомъ по„теряло свое коренное *в*, но въ „Богемскомъ и въ Иллирійскомъ „сохранило сей признакъ произхо„жденія своего отъ *первый*. Въ „другихъ языкахъ сохранило оно „и значеніе свое *впервые*, *лишь* „*только*, eben erst: но въ Рус„комъ приняло другое значеніе „и сдѣлалось синонимомъ нарѣчію „*нынѣ*.— А отъ *та пора* произхо„дитъ у насъ только нарѣчіе *въ* „*тупорц*, *на тупорц*, и пр., въ „проспорѣчіи *втапоры*.“

„Въ подобныхъ сборищахъ словъ „не должно искать мыслей, а еще „меньше разума, ибо они совсѣмъ „не съ тѣмъ пишутся, чтобы ска„занное можно было доказать или „разумѣть; но только съ тѣмъ, „чтобъ оное написано и прочтено „было.“ Естьли г. сочинитель *Присовокупленія* не можетъ служить образцомъ искусной и сильной діалектики, то по крайней мѣрѣ изъ книгъ его очень можно научиться вѣжливости: слогъ его напоминаетъ намъ счастливыя времена Гарассовъ!— „Здѣсь говорится „(продолжаетъ онъ) о *варварской „смѣси*, а въ чемъ она состоитъ, до „того дѣла нѣтъ. Говорится, что „*большая часть нынѣшнихъ нашихъ „выраженій не только не принадлежитъ къ Славенскому языку, „но даже и не отъ него происходитъ*, а какъ, и почему: этова „прошу не спрашивать. Между „тѣмъ *варварская смѣсь* конечно „бываетъ, и еще двоякая. . . . И „такъ *варварская смѣсь* состоитъ

„или въ приняпіи многихъ чужихъ „словъ, или въ буквальномъ пере„водѣ съ чужаго языка такихъ вы„раженій, которыя *нашему языку* „или *несвойственны*, или *невразу„мительны*, или *не то значитъ*.“ Точно такъ: на что же г. сочинитель требуетъ отъ меня объясненія такого слова, коего значеніе онъ столь хорошо самъ понимаетъ, и которое впрочемъ само собою весьма ясно?—„Но когда выраженія „не принадлежатъ къ Славенскому „языку и не отъ него происходятъ, „такъ *откуду́жъ* они взялися? Ка„кія же они, какъ не чужестран„ныя?“ Отчасти конечно и чужестранныя: но мы видѣли уже, что есть много коренныхъ Рускихъ словъ, *которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка*. Къ онымъ должно еще присовокупить выраженія и обороты, введенные въ Славенской и Руской языки *еллинизмомъ* (7),

(7) „Правда, что многія мѣста оныхъ „переводовъ (священныхъ книгъ)

также слова финскія, Татарскія, и проч., и новѣйшія выраженія, употребляемыя съ успѣхомъ хорошими писателями нашими.—„И когда больша часть нынѣшнихъ нашихъ выра-

---

„не довольно вразумительны; одна„нако польза наша весьма велика. „При семъ хотя не льзя преко„словить, что съ начала перево„дившіе съ Греческаго языка кни„ги на Славенскій *не могли ми„новать и довольно остеречься, „чтобы не принять въ переводъ „свойствъ Греческихъ Славенско„му языку странныхъ*; однако „оныя чрезъ долготу времени „слуху Славенскому перестали „быть непривычны, но вошли въ „обычай. И такъ, *что предкамъ „нашимъ казалось невразумитель„но, то намъ нынѣ стало пріят„но и полезно.*“ (Ломонос. *о пользѣ книгъ церк.* стр. 4).— Сей буквальный переводъ священныхъ книгъ нашихъ съ Греческаго, и слѣдственно *точное подражаніе* Греческому языку въ образованіи *книжнаго* Славенскаго, неоспоримо доказываются еще *Предисло-*

„женій такова, то какимъ же обра-
„зомъ вмѣстѣ и вопіять противъ
„нихъ, называя *варварскою смѣсью*,
„и утверждать, что она-то и есть
„украшеніе нашего языка?“ Обык-
новенная хитрость г-на сочинителя

віемъ Свяпѣйшаго Синода *на из-
даніе с. Библіи*, стр. 2: „Едини
„(отъ книгочій), якоже съ прево-
„ду онаго видно, были въ Славен-
„скомъ граммапическаго знанія
„языкѣ неискусни, а другіи въ Ел-
„линскомъ: якоже единъ отъ
„пѣхъ сочинитель предисловій
„тоя Острожскія печапи о себѣ
„сказуетъ: *Азъ*, рече, *составихъ*,
„*елико могохъ цмаленіемъ си
„слысла: ибо цилища николиже
„видѣхъ, но повелѣнія Благоче-
„стиваго Князя отрещися отнюдъ
„не возмогохъ*. Кпому же и ис-
„кусство граммапическое въ язы-
„цѣ Славенскомъ едва каковое
„изящество погда имѣ, и попо-
„му древнія слоги рѣчей стро-
„попни, и реченія грубы: а Ел-
„линскаго языка свойствъ толи-
„кая глубина есть, яко развѣ
„добрѣ ученымъ досязапи ея.“

заставлять другихъ говорить то, объ чемъ они и не думали! я никогда не называлъ *варварскою смѣсью* чужестранныхъ словъ и выраженій, непротивныхъ свойству Рускаго языка и приняшыхъ уже въ оный, и никогда не утверждалъ, что *варварская смѣсь* есть украшеніе языка.

Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи Славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго, не есть доказательство (Цвѣтн. стр. 263). — „Что такое значитъ здѣсь слово „*помощь*? (вопрошаетъ г. сочинитель) не мудрено понять, когда „скажутъ: человѣкъ помогаетъ человѣку; но какимъ образомъ представитъ себѣ, что *языкъ помогаетъ языку*? Этова мало: *мертвый помогаетъ живому!* и этова мало: *живый безъ мертваго существовать не можетъ!* Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣютъ являться въ

„видѣ *разсужденій*? и предъ кѣмъ? „предъ лицемъ свѣта? О! . . . . Но „воздержимся отъ удивленія.“ — Я выписалъ нарочно все сіе мѣсто, дабы показать сколь силенъ г. сочинишель въ діалектикѣ. Ему кажется трудно понять, какъ *языкъ помогаетъ языку*: но сей пропъ весьма ясенъ и употребителенъ, когда представляютъ языкъ лицемъ оживотвореннымъ. Возмемъ въ примѣръ Латинскій языкъ, *безъ помощи* коего Французскій не могъ бы существовать, ибо отъ онаго происходитъ и заимствуетъ большую часть словъ своихъ: сіе неоспоримо. Латинскій языкъ есть *мертвый*, и *живый* Французскій безъ *мертваго* Латинскаго *не могъ бы существовать*: есть ли тутъ что либо непонятное? . . . Кудаже дѣвались силлогизмы г-на сочинителя? Повторимъ отчасти собственныя слова его: какъ? подобные сему софизмы смѣютъ являться въ видѣ *возраженій*! и предъ кѣмъ? предъ лицемъ

свѣта? О! . . . но воздержимся отъ удивленія.

Потомъ, уклоняясь непрестанно отъ своего разсужденія, г. сочинитель старается доказать, что Славенскій языкъ не мертвый, и сравниваетъ его съ древнимъ Греческимъ: „*число* нынѣшнихъ Гре„ковъ весьма не велико, и притомъ „новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ „далеко *отошло* отъ языка своихъ „предковъ, языка Гомеровъ, что „уже больше не *разумѣютъ* онаго.“ Слова сіи заслуживаютъ особенное вниманіе: они показываютъ намъ, сколь упоренъ г. сочинитель въ систематическихъ своихъ заблужденіяхъ. Онъ самъ говоритъ, что нынѣшніе Греки *новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошли отъ языка своихъ предковъ, что уже больше не-разумѣютъ онаго*; если-ли это правда (ибо г. сочинитель въ своемъ переводѣ XVI. пѣсни Иліады признается, что Греческаго языка *во вся не знаетъ*), то какъ же не называть сихъ двухъ *нарѣчій*

различными языками, когда одно съ другимъ столь несходно? Скоро будутъ увѣрять, что нашъ языкъ и Турецкой суть два *нарѣчія* (или *слога*) одного и того же языка, потому что ни Турки насъ, ни мы ихъ не понимаемъ.—„Въ такомъ ли „положеніи находится Славенскій „языкъ? *Пятьдесятъ милліоновъ че-„ловѣкъ говорятъ имъ!* И тамъ, „*гдѣ главная колыбель его*, гдѣ *на „немъ основана вѣра и законы*, „тамъ называютъ его мертвымъ! „О!... но воздержимся отъ удивле-„нія.“ Сколько словъ, столько ошибокъ. Откуда г. сочинитель взялъ, что *пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ по славенски*? (первая ошибка противъ Географіи). Естьли онъ здѣсь разумѣлъ Россію, то кромѣ множества народовъ иноплеменныхъ, подвластныхъ Россійскому скипетру и входящихъ въ составленіе сей обширной Имперіи, природные даже Россіяне не говорятъ уже по славенски, но по русски, то есть, языкомъ *имѣющимъ*

многія мѣстныя нарѣчія и отдѣленнымъ отъ Славенскаго. Откуда г. сочинитель взялъ, что *главная колыбель* сего послѣдняго въ *Россіи*? (вторая ошибка противъ Исторіи). Намъ извѣстно, что главное мѣстопребываніе Славянъ было на Дунаѣ; въ Моравіи изобрѣтены буквы наши: слѣдственно тамъ и главная колыбель Славенскаго языка. Далѣе: могутъ ли *вѣра и законы быть основаны на языкѣ*? Святая вѣра наша основана на откровеніи, а законы на правосудіи и милосердіи Монарховъ нашихъ. Притомъ Евангеліе и всѣ священныя книги Новаго Завѣта писаны на Греческомъ языкѣ: и такъ лучше бы уже сказать, что на немъ-то основана Христіанская вѣра, естьли только она можетъ быть *основана на языкѣ* (третья сочинителева ошибка противъ Логики). Наконецъ я сказалъ, что Славенскій языкъ есть мертвый *для насъ* — и сіе послѣднее выраженіе нарочно было напечатано *косыми буквами* для показанія,

что *у насъ* мѣсто Славенскаго языка заступилъ уже Рускій: но впрочемъ есть многіе соплеменные намъ народы, коихъ языкъ, хотя также отмѣнившійся отъ древняго Славенскаго, гораздо ближе нашего къ оному; г-ну сочинителю угодно было въ своей выпискѣ напечатать все *одинакими* буквами и тѣмъ, ослабивъ мысль мою, отвратить вниманіе читателя отъ выраженія *для насъ* (ошибка противъ точности, съ какою должно приводить изъ книгъ тѣ мѣста, на которыя ссылаются). — Не успѣвъ опровергнуть сихъ моихъ словъ, г. сочинитель привязывается къ послѣдующимъ (см. *Цвѣтн.* стр. 263). „Хо„рошіе писатели, говоритъ онъ, „конечно не смѣшиваютъ *Славен„скаго языка съ Рускимъ*;“ (признаніе невольное, но справедливое!) „но подъ сими словами разумѣется „различіе *высокаго слога съ про„стонароднымъ*.“ Съ такими толкованіями скоро дойдемъ до того, что другъ друга понимать не бу-

*

демъ; по сему не льзя сказать дуронму и скучному писателю: *ты весьма худо знаешь Руской языкъ*, но *Руской слогъ*.— Что жъ касается до теоремы г-на сочинителя, которую онъ выдаетъ намъ за Евклидовскую, то стоитъ только прочитать ее, дабы совершенно увѣриться, что онъ не совсѣмъ подражалъ Евклиду, разсуждая такимъ образомъ. Я сказалъ: *въ сочиненіяхъ хорошихъ нашихъ писателей языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ Славенскаго, не престаетъ однакожъ быть Рускимъ*. (Цвѣтн. стр. 263). Г. сочинитель изъ сего неоспоримаго предложенія выводитъ слѣдующій софизмъ: „Евклидъ гово„ритъ: ежели опущенъ на прямую „черту отвѣсъ, дѣлающій по одну „сторону уголъ прямый, то и по „другую сторону будетъ уголъ пря„мый же. Такъ-то и здѣсь: ежели „языкъ нашъ наполненный велико„лѣпіемъ Славенскаго не престаетъ „быть Рускимъ, такъ по той же „причинѣ наполненный простотою

„Рускаго не престаетъ быть Сла-
„венскимъ.“ Естьли бы Евклидовы теоремы были столь же неосновательны, то вѣрно бы никто не сталъ вникать въ оныя. Потщимся и мы вывесши свое заключеніе, во всемъ подобное предъидущему: *ежели дурной сочинитель лишущій по руски не престаетъ быть Рускимъ, такъ по той же причинѣ всякой Руской не престаетъ быть дурнымъ сочинителемъ*. Каково покажется сіе просвѣщеннымъ читателямъ?

За симъ слѣдуетъ защищеніе нѣкоторыхъ Славенскихъ словъ признанныхъ неупотребительными г-мъ А. А. въ замѣчаніяхъ на *Посланіе къ любезному моему брату*. (см. Цвѣтн. стр. 474): но и въ семъ защищеніи г. сочинитель, по обыкновенію своему, невѣрно сослался на опровергаемую имъ рецензію. „Вотъ что наблюдаютъ хорошіе „писатели (восклицаетъ онъ); а не „то, чтобъ кричать: *чресла, жезлъ,*

„*прелояши*, *безлучный*, *огнезарный*, „*безлестный*, *всезлобный*, *плотоядный*, *возсоздать*, *бдѣніе*, *стыдѣніе*, „*воздоенный*, и проч. это Славенскія - сохрани насъ Богъ отъ нихъ!“ Изъ сихъ двенадцати словъ цѣлыхъ *шести* совсѣмъ нѣтъ въ рецензіи г-на А. А: *чресла*, *жезлъ*, *прелояши*, *плотоядный*, *бдѣніе*, *воздоенный* - всѣ они употребляются, хотя и съ осторожностію, въ высокомъ слогѣ нашего языка; а прочія шесть либо совсѣмъ у насъ не употребительны, либо поставлены съ несвойственными имъ существительными, что весьма справедливо замѣчаетъ г-нъ А. А., на прим: *безлучное величество* (что это значитъ?), *огнезарный взоръ*, *безлестный зракъ*, и т. п. Г-нъ сочинитель *Присовокупленія*, толь строго и безъ всякихъ доказательствъ на стр. 265. укорявшій меня въ *неправдѣ* и *клеветѣ*, самъ не заслуживаетъ ли здѣсь таковаго упрека?

При Петрѣ Великомъ или въ

началѣ просвѣщенія нашего (8), *высокимъ слогомъ, то есть по просту на Славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора*; такъ выписываетъ г. сочинитель слова мои, и потомъ возражаетъ: „Пре„красное истолкованіе! да развѣ

---

(8) Вотъ еще примѣръ, сколь невѣрно ссылается г. сочинитель на разсматриваемыя имъ книги! Въ началѣ второй половины моего *Разсмотрѣнія* (Цвѣтн. N. 12й стр. 404) Гг. Издатели предварили читателей, что сіи слова: *при Петрѣ Великомъ или въ началѣ просвѣщенія нашего* напечатаны совсѣмъ не такъ какъ должно, и что слѣдуетъ читать: *до Петра Великаго или до начала просвѣщенія нашего;* сіе совершенно перемѣняетъ смыслъ рѣчи. Чему приписать, что г. сочинитель забылъ столь важное примѣчаніе: желанію ли его, за неимѣніемъ основательныхъ доказательствъ, воспользоваться поправленною опечаткою, или тому, что онъ отвѣчалъ на мое *Разсмотрѣніе*, не прочитавъ онаго со вниманіемъ?

„Славенской языкъ и высокой слогъ „есть одно и тоже?“ Конечно нѣтъ, и я никогда не говорилъ, чтобъ они были *одно и тоже*. Слова мои довольно ясно означаютъ, что на Рускомъ языкѣ, въ *изустномъ употребленіи* давно уже отдѣлившемся отъ Славенскаго, до Петра Великаго не было еще книгъ, ибо до него всѣ писали по славенски, хотя говорили по руски, подобно какъ нынѣ проповѣдникъ говоритъ на каѳедрѣ совсѣмъ особымъ языкомъ, нежели дома. Слѣдовательно до Петра Великаго въ Рускомъ языкѣ не было высокаго слога: всѣ книги были писаны на Славенскомъ языкѣ, болѣе или менѣе испорченомъ, и въ нихъ находимъ мы не одни высокія Славенскія выраженія, но и множество низкихъ, которыя однакожъ въ разговорахъ не были употребляемы. — Потомъ г. сочинитель вопрошаетъ: „не „ужъ ли всякая Славенская рѣчь „есть высокая? не ужъ ли *хощеши ли*, „*дамъ ти подзатыльницу*, есть

„такой же *высокой языкъ*, какъ *тре-*
„*летна бысть земля, и основаніе*
„*горъ смятошася*?“ Не всякая Славенская рѣчь есть высокая, но высокой слогъ нашъ безъ Славенскихъ словъ, съ осторожностію употребляемыхъ, существовать не можетъ. Славенскія рѣчи бываютъ высокія и низкія (кто въ этомъ сомнѣвается?), и приведенный г-мъ сочинителемъ примѣръ: *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, конечно не есть такой же высокой языкъ какъ: *и абіе воздамъ ти сторицею*; послѣднее выраженіе несравненно сильнѣе. Далѣе: „ежели при Петрѣ Великомъ
„(до Петра Великаго) *всякія книги*
„*безъ разбора* писали *высокимъ*
„*слогомъ*, такъ по этому всякая
„челобитная была поэма, всякой
„писарь Ломоносовъ? Можно ли такъ смѣшивать понятія и такъ криво-толковать слова самыя простыя? Я говорилъ не о *челобитныхъ* и *писаряхъ*, но о *книгахъ*; онѣ тогда писаны были духовными людьми, которые привыкнувъ къ

высокому слогу, во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ безъ разбора употребляли оный, а притомъ не всегда умѣли по свойству матеріи избѣгать низкихъ Славенскихъ выраженій. Г. сочинитель *Присовокупленія*, всячески стараясь затемнить мысль мою, ни мало не доказалъ, чтобы отъ нашествія Татаръ *до начала просвѣщенія нашего* всѣ книги не были писаны высокимъ Славенскимъ языкомъ (повторю опять) болѣе или менѣе испорченымъ, болѣе или менѣе смѣшенымъ съ низкими выраженіями. Впрочемъ тотъ еще не есть Ломоносовъ, кто только пишетъ высокимъ слогомъ: мало ли мы видимъ такихъ изъ Гомера и Тасса переводовъ, которыхъ ни одинъ знающій человѣкъ не назоветъ хорошими, хотя слогъ въ нихъ *самый высокій* и преизобилуетъ Славенскими словами и оборотами.

„Сближимъ теперь всѣ выше-
„сказанныя мѣста (говоритъ г. со-
„чинитель, заключая свое твореніе)

„и посмотримъ *на кучу скомкан-*
„*ныхъ въ нихъ противорѣчій*, не имѣ-
„ющихъ *между собою ни соображе-*
„*нія*, *ни слѣдствія*, ни связи.“ Удвоимъ наше вниманіе: г. сочинитель, доселѣ противополагавшій мнѣ толь слабыя доказательства, безъ сомнѣнія сберегалъ самыя сильныя къ концу, дабы тѣмъ вѣрнѣе одержать побѣду. „Славен-
„ское и Руское нарѣчіе суть два
„языка различные между собою!“ (совершенная правда!) — „Славен-
„ской языкъ есть высокой слогъ!“ (Мы видѣли, что сіе предположеніе не мое, но сочинителево: онъ приписываетъ мнѣ собственныя свои заключенія, дабы имѣть случай осмѣять меня.) — „Славенской
„*мертвой* языкъ великолѣпенъ и
„Рускій *живой* безъ помощи его
„существовать не можетъ!“ (не Рускій языкъ, но *возвышенный* слогъ онаго).—„Славенской языкъ въ сра-
„вненіи съ Греческимъ, котораго
„сочинитель не знаетъ (9), грубъ

(9) г. сочинитель ставитъ мнѣ въ

„и бѣденъ!“ (Сіе утверждаютъ всѣ знающіе Греческой языкъ, и между прочими Святѣйшій Синодъ въ *Предисловіи къ Библіи*, см. выше стр. 41.) — „Славенскимъ языкомъ „или высокимъ слогомъ до Петра „Великаго писали всякія книги безъ „разбора, а Рускимъ говорили!“ (Опять таже хитрость! сколько разъ долженъ я доказывать, что никогда не считалъ Славенской языкъ и высокой слогъ *однимъ и тѣмъ же*?) — „Рускій языкъ давно „отдѣлился отъ Славенскаго введе„ніемъ множества Татарскихъ словъ

порокъ откровенное мое признаніе, что не знаю по гречески. Въ самомъ дѣлѣ напрасно не подражалъ я здѣсь мнимымъ нашимъ Квинпиліанамъ, которые ничему не учившись въ молодости и привыкнувъ писать на удачу, обо всемъ судятъ, все знаютъ, переводятъ съ Французскаго и другихъ языковъ, не понимая оныхъ, и никакъ не хотятъ признаться въ своемъ невѣжествѣ!

„и выраженій совсѣмъ прежде неиз-
„вѣстныхъ!“ (Безъ сомнѣнія, и сей языкъ, который сперва употреблялся токмо въ просторѣчіи, сталъ нынѣ, по образованіи его хорошими писателями, языкомъ вообще употребительнымъ и *книжнымъ*) —
„Онъ есть испорченное изъ Сла-
„венскаго нарѣчіе, смѣшенное съ
„трепьимъ чуждымъ!“ (Такъ; съ трепьимъ *чуждымъ языкомъ* и со множествомъ другихъ иностранныхъ словъ и выраженій, содѣлавшихся нынѣ собственностію Рускаго языка).—„ Онъ непосредственно про-
„изходитъ отъ Славенскаго, но
„большая часть нынѣшнихъ выра-
„женій его не принадлежитъ къ
„Славенскому языку, и даже не отъ
„него произходитъ!“ (Конечно: всѣ тѣ выраженія, которыя со времени образованія языка приняты въ оный или по необходимости, или для украшенія его).—„Какъ? это назы-
„вается *критикою*? разсужденіемъ
„о языкѣ и словесности?“ и проч. Здѣсь г. сочинитель, утомясь ис-

каніемъ мнимыхъ противорѣчій, возвращается къ обыкновенному своему оружію - къ учтивымъ и скромнымъ *восклицаніямъ*.

„Однакожъ дойти до такой „степени, чтобъ убѣждаться по„добными сему истиннами: Славен„ской языкъ *великолѣпенъ*, *грубъ и* „*бѣденъ*“ (Чтожъ шутъ мудренаго? Онъ великолѣпенъ, это правда; но въ сравненіи съ Греческимъ грубъ и бѣденъ. Развѣ мы не говоримъ: Кострова переводъ Иліады хорошъ и силенъ, но еще очень слабъ въ сравненіи съ подлинникомъ?)— „Ру„ской языкъ *не можетъ существо„вать безъ Славенскаго*, однакожъ „онъ *самъ по себѣ*, то есть безъ „Славенскаго, *гораздо богатѣе и* „*сильнѣе всѣхъ прочихъ*“ (Къ чему сіи тщетные софизмы? къ чему сіи толкованія? Выраженіе *самъ по себѣ* ни мало не значитъ *безъ Славенскаго*, но представляетъ Руской языкъ обогатившимся отъ онаго и уже отдѣленнымъ; представляетъ его *какъ онъ теперь есть*, какъ ны-

нѣ употребляютъ его Державины, Дмитріевы, Карамзины, безъ излишней примѣси обветшалыхъ Славенскихъ словъ: и *то есть* г-на сочинителя поставлено здѣсь весьма не кстати). - „ до Петра Великаго „*не было у насъ никакихъ сочиненій*, „а писали тогда *всякія книги безъ* „*разбора высокимъ слогомъ*“ (Я сказалъ, что до Петра Великаго не было сочиненій *на нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ*, а не то, чтобы оныхъ *совсѣмъ* у насъ не было; на что перемѣнять слова мои, и тѣмъ самымъ смыслъ моей рѣчи?)—„Дой„ти, говорю,“ до такой степени, „было бы нѣчто чрезвычайное“ (Подлинно чрезвычайное, естьли г. сочинитель вездѣ будетъ столь же невѣрно выписывать слова мои какъ здѣсь). „Но чтожъ еще? послѣ „сихъ вмѣстѣ и отрицаній и у„твержденій, вдругъ важнымъ голо„сомъ возвѣщаютъ: *нынѣ же, когда* „*Русской языкъ образовался*. Да изъ „чего же онъ образовался? изъ Татар„скихъ и простонародныхъ словъ?

„Прекрасное образованіе языка!“ (Г. сочинитель не знаетъ, или не хочетъ знать, что языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ новый вѣсъ и значеніе, опредѣляютъ Просодію языка и обогащаютъ оный множествомъ выраженій и оборотовъ, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ. Слова суть токмо орудія или матеріалы: могутъ ли они что нибудь образовать сами собою? Милліоны словъ не произведутъ сами собою и въ тысячу столѣтій одной Оды Ломоносова.)—„Бѣдной Рускій языкъ! „лучше бы сіи защитники за тебя „не вступались. Они отъ презрѣ„нія къ Славенскому языку дадутъ „тебѣ такое произхожденіе, кото„рому ты самъ не радъ будешь. „Они готовы назвать тебя Татар„скимъ, Калмыцкимъ, Чухонскимъ, „Камчедальскимъ, лишь только бы „не Славенскимъ!“

Симъ трогательнымъ воззваніемъ къ Рускому языку заключаетъ г. сочинитель свое *Присовокупленіе*. Во всѣхъ рѣчахъ моихъ видитъ онъ презрѣніе къ Славенскому языку и злобное намѣреніе ослабить власть вѣры: но на чемъ основываетъ онъ свои *видѣнія*? Справедливое раздѣленіе Рускаго языка съ Славенскимъ показываетъ ли хотя малѣйшее къ сему послѣднему презрѣніе? и притомъ опровергнулъ ли г. сочинитель сіе раздѣленіе, не смотря на то, что утверждалъ самымъ увѣрительнымъ голосомъ: *оно не существуетъ*? . . . Убѣдить противниковъ своихъ не льзя ни бранью, которую всѣ достойно презирать умѣютъ, ни восклицаніями, ни даже Славенскими примѣрами, которые совсѣмъ нейдутъ къ дѣлу и ничего не доказываютъ — но токмо основательными разсужденіями, оружіемъ самымъ сильнымъ въ Логикѣ.

Послѣдуя за г-мъ сочинителемъ во все продолженіе странныхъ его умствованій, повѣряя, такъ ска-

зать, каждый шагъ его, читатели могли судить и о слогѣ сего *Присовокупленія*. Имъ не трудно было замѣтить, что оный вообще тяжелъ, неправиленъ и во многихъ мѣстахъ весьма темень; на примѣръ въ самомъ началѣ: „но какъ „рѣчь сія долженствовала *единовре-* „*менно* прочтена быть въ Акаде- „міи, того ради *соблюденіе крат-* „*кости не позволило намъ много* „*о семъ разпространиться.*“ Къ чему поставлено здѣсь нарѣчіе *единовременно* (единожды, одинъ разъ) и что значитъ: *соблюденіе краткости не позволило намъ много разпространиться*? Или еще: „вы- „раженія, которыя *нашему языку* „или несвойственны, или *невразу-* „*мительны*, или *не то значатъ*.“ (стр. 272). Рѣчь сія непонятна, потому что противна словосочиненію: союзъ *или* не перемѣняетъ ея порядка, и слова: *нашему языку* равно относятся ко всѣмъ прочимъ: *несвойственны*, *невразумительны*, *не то значатъ*. — Иногда же г. со-

чинитель, забавляясь надъ такими ошибками, какихъ никто не дѣлаетъ (ибо кто напишетъ *меня фралировалъ колоритъ этой лѣсы*?) самъ не менѣе ошибается; на прим: „естьли бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ *мой малютка дѣлаетъ зубы*, вмѣсто „*у моего малютки ростутъ зубы*, „тотъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы „варварское смѣшеніе.“ (стр. 271). Выраженіе г-на сочинителя столь же нехорошо, сколь и представляемое имъ въ примѣръ: мы не говоримъ *у младенца ростутъ зубы*, но *прорѣзываются* или *выходятъ зубы*. Погрѣшать противъ языка весьма дурно, но еще хуже погрѣшать, поправляя другихъ и повелительнымъ голосомъ принуждая вѣрить словамъ своимъ. Горацій и Буало, подавая скромныя наставленія писателямъ, всего болѣе научали ихъ собственнымъ примѣромъ.

Разсматривая столь подробно сіе *Присовокупленіе*, я хотѣлъ удостовѣрить читателей въ неосновательности всѣхъ обвиненій и восклицаній г-на сочинителя; теперь, дабы показать, сколь заблуждается онъ въ своихъ системахъ, разберемъ со вниманіемъ начало его *Разсужденія о краснорѣчіи Св. Писанія*. Безпристрастные судіи вездѣ увидятъ одни догадки, и то чужія, не подкрѣпленныя никакими доказательствами, но защищаемыя съ отмѣннымъ упорствомъ. — Сказавъ, что Императорская Россійская Академія предложила два *задания*: „1е написать разсужденіе о крас„норѣчіи Св. Писанія; 2е показать, „въ чемъ состоитъ богатство и „сила Россійскаго языка, и какими „средствами оный еще болѣе раз„пространить, обогатить и усо„вершенствовать можно“—г. сочинитель проситъ позволенія оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ; „ибо, (говоритъ онъ), я полагаю толь „тѣсную и неразрывную между

„оными связь, *что мнѣ кажется*
„*предложенные совокупно могутъ*
„*они гораздо лучше освѣщать одинъ*
„*другой* (по руски ли это?) неже-
„ли когда бы о каждомъ изъ нихъ
„разсуждаемо было порознь.“ *Удо-
влетворяя* симъ вопросамъ, при-
ступаетъ онъ къ разсмотрѣнію *пре-
восходныхъ свойствъ нашего языка.*

„По истиннѣ языкъ нашъ есть
„*нѣкая чудная загадка*, понынѣ
„еще темная и неразрѣшенная. Въ
„какомъ состояніи былъ онъ до
„введенія въ Россію православной
„христіанской вѣры, мы не имѣемъ
„ни малѣйшаго о томъ понятія,
„точно какъ бы *его* не было.“ (Вѣро-
ятно въ такомъ же состояніи, какъ
и языки вообще всѣхъ необразован-
ныхъ народовъ) “—Ни одна книга не
„показываетъ намъ *онаго*.“ (Какъ
же и быть книгамъ, когда Славен-
скій букварь составленъ не прежде
IX. вѣка?)— „Но вдругъ видимъ его
„возникшаго съ вѣрою. Видимъ на
„немъ Псалтырь, Евангеліе, Іова,
„и проч. Видимъ его въ оныхъ не

„младенцемъ, едва двигающимъ мыш-
„цы свои; но мужемъ, поражающимъ
„силою слова. Дивимся острымъ и
„глубокимъ мыслямъ, заключающим-
„ся въ словахъ его.“ (Всѣ книги на-
именованныя г-мъ сочинителемъ,
переведены съ Греческаго: и такъ
могутъ ли въ нихъ мысли сколько
нибудь принадлежать къ *превосход-
нымъ свойствамъ нашего языка*?)—
„Дивимся чистотѣ, согласію, важ-
„ности, великолѣпію. Кажется какъ
„будто умъ и ухо изтощили все свое
„тщаніе на составленіе онаго.“
(Сравнимъ сію напыщенную похва-
лу Славенскаго языка съ вышепри-
веденными на стр. 40 словами Ломо-
носова, и, что всего достовѣрнѣе,
со свидѣтельствомъ Святѣйшаго
Синода въ *Предисловіи къ Библіи*:
*Ктому же и искусство граммати-
ческое въ языцѣ Славенскомъ едва
каковое изящество тогда имѣ, и по-
тому древнія слоги рѣ:ей стропот-
ни, и реченія грубы*—и мы увидимъ,
какъ мало г. сочинитель заботился
объ исторической истинѣ въ своемъ

Разсужденіи.)—„Надлежало ли на-
„звать какую либо невидимую вещь:
„умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ
„ея, или раздробляющійся по воз-
„духу, или вдругъ потрясающій
„оный, или съ великимъ стремле-
„ніемъ свиспящій; тогда ухо тот-
„часъ давало имена: *громъ*, *трескъ*,
„*вихрь*.“ (Но лат. tonitru, фр. ton-
nerre, нѣм. donner, не лучше ли еще
выражаютъ звукъ *грома*, а лат.
strepitus, fragor, и фр. tourbillon
трескъ и *вихрь*? Самые дикіе наро-
ды имѣютъ въ языкахъ своихъ еще
болѣе нашего такихъ звукоподража-
тельныхъ дѣйствіямъ природы
словъ.)—„Надлежало ли составить
„нарѣчія *далеко*, *близко*, *низко*, *глу-*
„*боко*, *широко*, *высоко*: кажется
„самъ разсудокъ придумывалъ сіи
„названія, говоря въ нихъ: *даль*
„*око*, т. е. простирай зрѣніе далѣе;
„*близъ око*, не простирай оное въ
„даль,“ и проч. (Въ сихъ словахъ
окончанія *еко*, *ко*, *око*, тоже самое
означаютъ что и въ словахъ *жес-*
токо, *мягко*, *крѣлко*, *велико*, *елико*,

колико, только, двояко, и проч. Сіе *к*, приложенное въ извѣстныхъ случаяхъ къ корнямъ словъ, вообще качество вещей или *сказуемое* (praedicatum) означающихъ, *даль, близъ, ширь, глубь, веле, толь*, даетъ имъ опредѣленный видъ нарѣчія или прилагательнаго: перваго посредствомъ гласнаго окончанія *о, широко, низко, двояко*; а втораго посредствомъ окончаній *ій, ая, ое*, или *ъ, а, о*-- *широкій ая ое, широкъ а о, низкій низокъ*, и пр. Вставляемыя же между симъ значительнымъ *к* и кореннымъ слогомъ гласныя *а, е, и, о*, никакой важности въ себѣ не заключаютъ и служатъ токмо для облегченія выговора; почему не во всѣхъ словахъ имѣютъ мѣсто и не во всѣхъ діалектахъ равно употребляются, на прим: Рускій говоритъ *великій*, а Полякъ wielki, и такъ далѣе. Сходство сего окончанія съ словомъ *око* есть совершенно случайное (10). Притомъ, говоря сло-

(10) Всѣ сіи этимологическія догадки

вами г-на издателя *Вѣстника Европы*, трудно согласиться, будто при составленіи языка Славянинъ умѣлъ уже выразить понятія о глаголѣ

о словахъ *высоко*, *глубоко* и пр., также о круглости буквъ въ словѣ *око*, предложены были въ первый разъ А. П. Сумароковымъ въ *Трудолюбивой пчелѣ* (мѣс. Февраль, статья *о коренныхъ словахъ Русскаго языка*). Г-нъ сочинитель *Разсужденія*, подражая Сумарокову въ его страсти къ словопроизводству, давно уже занимается онымъ, хотя многіе почтеннѣйшіе люди неоднократно доказывали ему неосновательность его догадокъ. На прим: въ своемъ *Славенскомъ словарѣ* (*Разсужд. о стар. и нов. слогѣ*, стр. 222.) произвелъ онъ глаголъ *брашнать* отъ существительнаго имени *брашно*, и въ подтвержденіе того сослался на Пророка Іеремію, гл. 14: *онагри сташа на каменіяхъ, брашна въ себе вѣтръ яко зміеве*. На сіе возразили ему, что весьма ненадежно объяснять тексты св. Писа-

высить и объ имени *око*, умѣлъ уже соединить оба сіи понятія, не знавши нарѣчія *высоко*!)—„Надлежало ли „дать имена чувствамъ нашимъ

нія безъ справокъ съ древними языками; что въ Греческой и Латинской Библіяхъ, выраженія соотвѣтствующія тексту *брашна въ себе вѣтръ* однознаменательны Славенскому *браша* или *вбираша* въ себе вѣтръ, и потому надлежитъ читать не *брашна* а *браша*; буква же *н* вкралась здѣсь опъ ошибки, и ее не токмо въ другихъ изданіяхъ Библіи, но въ самомъ Острожскомъ нѣтъ. Притомъ, когда бы слово *брашна* въ самомъ дѣлѣ происходило опъ глагола *брашнать* и означало здѣсь третье лице: то вмѣсто *брашна* слѣдовало бы сказать *брашнаша* или *брашнахѫ*, потому что глаголы оканчивающіеся на *ать*, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа преходящаго и давнопрошедшаго времени всегда имѣютъ окончаніе на *аша* или *ахѫ*, на прим: *вкушахѫ*, *зваша*, и проч.

„*слухъ*, *зрѣніе*, *обоняніе*: умъ искалъ „*въ нихъ самихъ* изобразить знаме„нованіе *оныхъ*.“ (Признаюсь, что я рѣчь сію весьма худо понимаю: къ чему относятся мѣстоименія *въ нихъ* и *оныхъ*, и что значитъ *изобразить въ чувствахъ знаменованіе именъ* или *въ именахъ знаменованіе чувствъ*?) — „Въ словѣ *слухъ*, l'ouie, „помѣстилъ и названіе той час„ти тѣла, которая служитъ ору„діемъ къ возрожденію въ насъ сего „чувства: *ухо*, l'oreille.“ (Точно также и въ Латинскомъ языкѣ: auris ухо, audire слышать, auditus слухъ; а слѣдовательно также и во французскомъ ouir, oreille, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣсто Лат. двугласной au заступила буква *о*, какъ и во многихъ другихъ Латинскихъ словахъ.) — „Слово *зрѣніе* „сблизилъ съ подобными же свѣтъ „означающими понятіями *зареніе*, „*заря*.“ (Но почему же слова: *день*, *солнце*, гораздо болѣе означающія понятіе *свѣта*, lux, нежели *заря*, и даже самое слово *свѣтъ*, ни мало

непохожи на *зрѣніе*? и откуда г. сочинитель взялъ слово *зареніе*?)— „Слово *обоняніе*, сокращенное изъ „*обвоняніе*, составилъ изъ предлога „*объ* и имени *воня*, слѣдовательно „сдѣлалъ его выражающимъ *чувство-* „*ваніе окрестнаго запаха*.“ (По лат. и по фр. точно также: запахъ, воня — odor, odeur; отъ сего odoratus, odorat. Чему тутъ дивиться, что въ каждомъ языкѣ слова, несомнѣнно одно отъ другаго происходящія и почти одинакое значеніе имѣющія, одно на другое похожи? и такими ли мѣлочами доказывать должно истинное превосходство Рускаго языка предъ Французскимъ?) —„Надлежало ли назвать какую либо ви„димую вещь: умъ разбираль каче„ства ея; ежели примѣчалъ въ ней „круглость, то для составленія име„ни ея выбиралъ и буквы такой же „образъ имѣющія: *око*.“ (Прекрасно! по этому буква *о* есть несомнѣнный признакъ *круглости* во всѣхъ словахъ, гдѣ только она находится: отъ чего же нѣтъ ее въ названіяхъ *круга*

и *шара*, фигуръ самыхъ круглѣйшихъ? Не ужели Славенинъ, умѣвшій столь искусно разсуждать при составленіи языка своего, забылъ при названіи сихъ *образцовъ* (prototypes) *круглости* любимую свою систему? . . . Хвала Славенскому языку, составленному не цѣлымъ вообще народомъ, какъ всѣ прочіе языки, но токмо глубокомысленными философами, оставившими намъ столь явственные слѣды своей мудрости!)-- „Отъ *грома* произвелъ умъ *громко*, „*громогласно*, *громоздко*, *огромно*, „*гремушка* . . . . . отъ слова *лукъ* „произошло *лука*, а уменьш. *лучи-* „*ца*, заливецъ (*и вложи* мать Мои- „сеева *отроча въ ковчежецъ*, *и поло-* „*жи его въ лучицѣ при рѣцѣ*. Исх. „2. 3).“ *Лучица* не значитъ *заливецъ*. Церковный словарь П. Алексѣева, а за нимъ Словарь Росс. Академіи толкуютъ сіе слово *лучица*, *поростъ въ водѣ*. Люперъ переводитъ оное schilf, *тростникъ*: оно и въ Славенскомъ вѣроятно означаетъ тростникъ, ибо по Польски lacz,

по Краински *лочь*, *лочье* — *тростникъ*. Чтожъ касается до словъ *огромно*, означающее величину, и *громоздко*, отъ глагола *громоздить*, *класть груду на груду*: то они конечно никакого не имѣютъ отношенія къ *грому*, кромѣ случайнаго сходства въ немногихъ буквахъ. — Такимъ-то образомъ страсть къ системамъ часто увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму, и наконецъ ввергаетъ въ очевидное заблужденіе!

Но время уже прекратить сей разборъ, который покажется инымъ, можетъ быть, слишкомъ подробнымъ: на сіе скажу, что, почитая себя въ необходимости опровергнуть несправедливыя обвиненія г-на сочинителя *Разсужденія*, я хотѣлъ также показать читателямъ сколь неосновательны многія его мнѣнія, кои нынѣ послѣдователями его пріемлются за неоспоримыя истины. Притомъ я увѣренъ, что

всякое благонамѣренное сужденіе объ языкѣ можетъ принести удовольствіе и пользу любителямъ отечественной словесности.

Дмитрій Дашковъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	стр.	Напечат:	чипайте:
5	16	Парижскихь	Парижскихъ
—	17	сердцемь	сердцемъ
7	15	съ пѣмъ	съ пѣмъ,
9	24	подписаль	подписалъ
18	7	слова̀	сло́ва
25	27	потребуютъ	потребуютъ
36	3	*многі я*	*многія*
39	6	*значитъ.*	*значатъ.*
—	26	переводовь.	переводовъ.